

ТОТАЛИТАРНЫЙ ФЕНОМЕН ВЛАСТИ И ЕГО ТИПОЛОГИЯ

В. Н. Первушина, Л. М. Савушкин

Государственный университет правосудия,
Центральный филиал

С. Н. Хуторной

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 26 марта 2018 г.

Аннотация: в статье анализируется тоталитарный феномен власти, понимаемой как власть-функция. В этом контексте тоталитарность осмысливается как неотъемлемое свойство любой власти. Функционирование власти осуществляется в дисциплинарном пространстве и проявляется в основном в двух моделях (типах) – модель монастыря (традиционное общество) и модель экзамена (индустриальное и постиндустриальное общество).

Ключевые слова: власть-функция, дисциплинарное пространство, модель монастыря, модель экзамена, денежный тоталитаризм.

Abstract: the article is dealt with totalitarian phenomenon of power through the understanding of power as power – function. In this context totalitarianism is recognized to be an integral property of any power. The functioning of power is carried out in a disciplinary space, and is manifested mainly in two models (types) – the model of monastery (the traditional society) and model of exam (industrial and post-industrial society).

Key words: power-function, disciplinary space, model of monastery, model of exam, monetary totalitarianism.

В научной литературе общепризнанной является точка зрения, согласно которой концепт «тоталитаризм» имеет негативные коннотации [1], включает в себя идеологическую конструкцию, движение и реальную политическую систему [2]. Традиционно тоталитаризм сводят к «всеобъемлющей организованности общества», отождествляют с «полным контролем над личностью со стороны власти», стремящейся к «радикальному преобразованию всей общественной системы в соответствии с революционной по своему характеру социальной утопией, не оставляющей места для индивидуальной свободы и социальных противоречий» [там же, с. 204, 208, 210]. Реальными воплощениями тоталитарных систем (Ф. фон Хайек, К. Поппер и др.) считали фашизм и коммунизм. Ф. фон Хайек противопоставлял либерализм и социализм, считая базисом прав и свобод личности экономическую свободу. Он выступал против принципов, по которым живут автономные организации (фабрики, армия, например), поскольку перенос этих принципов на общественную жизнь неизбежно трансформируется в идею радикального переустройства общества.

Логика рассуждений вышеуказанных авторов сводится к следующему. Тоталитаризм есть реальность XX в., является порождением индустриального общества. Он связан с практикой этатизма, коллективистско-механистическим мировоззрением, отчуждением личности, ростом рациональности и организованности в жизни общества. Социальной базой тоталитарной системы выступали маргиналы. Далее. Устраняется гражданское общество, независимость частной жизни. В политической сфере отмечается срастание государства и одной партии, отсутствует оппозиция, создается видимость через псевдодемократические институты власти народной поддержки. Власть функционирует через аппарат принуждения с помощью массового террора. В социальной сфере (социальная структура) происходит люмпенизация населения. В экономической сфере характерной чертой тоталитаризма выступает этатизация экономической жизни, а также отсутствие частной собственности, рыночных отношений, конкуренции и т. д. В духовной сфере господствует одна идеология. К разновидностям тоталитаризма обычно относят фашизм (Италия), национал-социализм (Германия) и сталинизм в СССР [там же, с. 207].

Но если тоталитаризм является порождением индустриального общества, то к какой системе отнести правление Кальвина в XVI в.? Женевская Республика при Кальвине показала пример такого тоталитаризма и тотальной манипуляции, что по сравнению с ней бледнеют разновидности тоталитаризма XX в. Христианское мировоззрение запрещало убийство, но в рамках религиозной идеологии казуистическая практика иезуитов разрешала убийства, все церкви благословляли войны, казнили еретиков. Наиболее наглядно тоталитарный характер религиозной идеологии проявляется в период пребывания Кальвина в Женеве.

Кальвин выступал за соединение религии и политики. Обязанность церкви заключается в благополучии государства, а государство обеспечивает благополучие церкви. Богохульство должно караться как гражданское преступление. Идеальное государство – это республика, в которой граждане избирают аристократов духа, способных управлять государством, где власть распределена между разными членами городского магистрата, получающего свои полномочия от Бога. Обязанность магистрата – применение закона Божьего, осмысленного через священное писание.

При Кальвине в Женеве царство Божье превращалось в застенки, засилье теократии. Дисциплинарное пространство власти проявлялось в «чистом» виде. Любое нарушение установленных правил жестко каралось. Особенно Кальвин боролся со своими «идеологическими» противниками – женевскими либертинами, выступавшими за «безграничную свободу людей Духа, все позволено!» Пьера Алю, члена малого Совета, именитого гражданина, фабриканта и содержателя тайных игорных притонов, заключили в тюрьму, пытали, водили босоногого по улицам за оскорбление Кальвина. Первый мученик либертинской свободы Жак Грюэ был обезглавлен за заговор против Кальвина. Голова Грюэ была

прибита над телом к позорному столбу. Во время чумы питейные дома были полны, а церковь пуста. Кальвин написал донос на Сервета, теолога и естествоиспытателя в Инквизицию.

В Женевской Республике при Кальвине за слова «греми, гром, все-таки в поле пойдем, и лихо нам не будет» хотели казнить, потом наказали плетьюми и изгнали. Детей, съевших пирожки на церковной паперти, наказали плетьюми, а мальчика, ударившего мать, казнили. Людей хватали за лишние блюда (положено есть два раза), за модные туфли, искусное плетение волос, за пляски или за то, что их смотрели, и т. п. Такими мерами Кальвин пытался утвердить «царство добра и справедливости», рай, по-швейцарски, ввести «деспотию дисциплинарно вмененного аскетизма» (У. Эко). Жесткой рукой Кальвин навел порядок, ибо главное для него – порядок, правила и упражнения, – построив при этом большие великолепные богадельни, организовав шерстяной и шелковый промыслы. Но всё это покупалось ценой свободы [3]. Можно привести примеры из жизни Спарты, Рима в период правления Диоклетиана, Японии эпохи Мейдзи и т. п.

Другой исторический пример. При «злодеях-большевиках» в 1918 г. Н. А. Бердяев выступал с лекциями на тему «Почему я не люблю коммунизм?»; к тому же терпимо воспринималась проституция, а борьба с этим явлением велась исключительно в плане трудового воспитания. В декабре 1917 г. была отменена ответственность за гомосексуальную связь. Не предусматривалась ответственность за гомосексуализм и в уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. До мая 1928 г. не было запрета на оборот наркотиков. Фактически существовало индифферентное отношение к наркоупотреблению и наркобизнесу как социальному явлению. В 30-е гг. сворачивается социальная реабилитация женщин, занимающихся проституцией. По отношению к ним осуществляется репрессивная политика. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за гомосексуализм с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет. В том же году была установлена уголовная ответственность за посев мака и индийской конопли [4, с. 36–37]. И как же согласиться с утверждением, что «исторически первой и классической формой политического тоталитаризма стал коммунизм (социализм) советского типа, начало которому положила военно-коммунистическая система, сформировавшаяся в общих чертах в 1918 г.» [2, с. 211]?

Возникает определенное противоречие: с одной стороны, тоталитаризм относят к политической надстройке, а с другой – подчеркивается влияние тоталитаризма на все сферы общественной жизни. Х. Арндт, одна из первых, начавших изучать тоталитаризм, считала, что для тоталитаризма необходима «атомизированная и бесструктурная масса», «... большевистские методы испытывали свое воздействие на изолированном массовом человеке» [1, с. 425, 465] У тех, кто знаком с историей советского периода, это утверждение вызывает, по крайней мере, удивление. Хорошо известно, что клеточкой социальной организации в СССР

выступали трудовые коллективы с их принципами сотрудничества и взаимопомощи.

К основным типам тоталитаризма относят религиозный, политический и информационный (информационно-финансовый) неототалитаризм [5, с. 178–185]. На наш взгляд, подобная типология строится на разных основаниях. Первый тип связан с идеологией; второй определяется политическим режимом, принявшим черты тотальной политизации; третий детерминируется типом общества – информационным, изменившим средства контроля над личностью. Данную типологию трудно принять.

Так что же такое тоталитаризм? Известно, что понимание тоталитаризма осуществляется через осмысление понятия «власть». Естественно, возникает вопрос о том, как понимать власть, через которую он реализуется. Идея тоталитаризма, тотальности актуализирует проблему взаимосвязи личности и общества, нормативной регуляции, социального контроля, принуждения и насилия, сохранения социокультурной идентичности, стабильности и порядка, т. е. функционирования социальной системы. На наш взгляд, объяснить тоталитаризм, понимая власть в юридически-политических терминах, воплощающих механизмы суверенной власти, *authority*, неконструктивно. Помимо этой структуры существует огромное множество дисциплинарных институтов власти (сфера привилегий, незаконностей (термин М. Фуко), общественные организации), обеспечивающих функционирование власти и гарантирующих ей социальную и политическую стабильность через нормативную рациональность. В этом контексте аналитическая схема М. Фуко [6], объясняющая власть в терминах власти-функции, наиболее оптимальна для понимания тоталитаризма как социокультурного явления. Власть-функция является пересечением различных дискурсов: социально-экономического, правового, психологического, медицинского, морального, лингвистического. Функциональный подход к власти рассматривает ее постоянно действующей и стремящейся к максимальной эффективности в своей основной сущности – контролю. Социальный порядок существует благодаря реализации нормативных стандартов и адекватной им мотивационной деятельности объектов власти в направлении конформизма. Социальный контроль выполняет охранительную и стабилизирующую функции для воспроизводства господствующего типа социальных отношений. Власть и властные отношения являются субстанциональными по своей сути, возникают благодаря естественной необходимости упорядочивания, структурирования, дифференцирования и сохранения целостности социума. Этот тезис впервые был аргументирован Фуко. Он ввел понятие «технология власти», цель которой сводилась к пространственному размещению и соответствующему ранжированию индивидов в этом пространстве. Власть порождает новый вид стратификации, ранжируя людей в социальном пространстве, поэтому можно говорить о властной стратификации. Власть действует через категории «функция» и «сила». Они отличаются предельной абстракцией и как бы независимы от конкретного содержания, воплощают детерминацию власти в ее

способности определять любые действия. В чистом виде власть-функция проявляется в паноптическом пространстве. Сама идея Паноптикума была навеяна И. Бентамом, представившим архитектурный образец такой композиции, где каждый индивид виден, но он не видит, что за ним следят. Теоретическое осмысление Паноптикума, в котором власть функционирует в дисциплинарном пространстве через послушание и надзор, и его значение для понимания власти было дано М. Фуко.

Паноптикум, как ни одна форма власти, символизирует ее смысл: многомерность. С одной стороны, Паноптический аппарат может быть интегрирован в любую социальную сферу – медицину, образование, производство. Согласно ему производятся жесткие классификации в зависимости от способностей каждого и уровня выполняемой работы и, соответственно, ранжирование. Он обеспечивает функционирование власти изнутри, при этом ее присутствие отличается тонкостью, неуловимостью. Сцепление власти-функции в Паноптическом аппарате наиболее эффективно и экономично благодаря замкнутому и ранжированному измерению пространства. Количество представителей власти может уменьшаться, при этом одновременно увеличивается количество людей, подлежащих ее воздействию. Паноптическая схема действует ради укрепления социальных сил: поднять производство, развить экономику, распространить просвещение, повысить уровень общественной нравственности, – всё это в рамках дисциплинарного пространства. С другой стороны, Паноптикум представляет собой своего рода лабораторию, машину для проведения экспериментов, призванную изменить поведение индивидов через муштру.

Власть функционирует в пространстве и проявляет свою силу через технологию дисциплины. Власть не любит открытого пространства со свободной, диффузной циркуляцией индивидов. Каждый индивид должен быть на своем месте для того, чтобы его можно было найти и проконтролировать: преступников в зависимости от характера преступления, больных – от характера заболевания, учеников в классе – от поведения и успеваемости [7, с. 216]. Саму же власть невозможно обнаружить: она не локализована из-за своей диффузности. Диффузный характер власти, проявляясь через дисциплинарные технологии, связывает в единое целое различные сферы социального пространства, через которые проходят «душой и телом» индивиды и коллективности.

Функциональный подход, применяемый нами для осмысления власти, дополняется субстратным, призванным объяснить содержание власти в разные исторические периоды. Власть, с точки зрения этого подхода, определяется историческим контекстом. Формы функционирования власти должны сочетаться с рассмотрением ее содержания. Власть-функция монологична, основными ее проводниками выступают государство и его институты: армия, тюрьма, а также традиции, обычаи, верования, ценностно-нормативные стандарты.

В качестве моделей (типов) дисциплинарного пространства может выступать (используем терминологию М. Фуко) *модель монастыря*, ха-

ракторная в основном для традиционного типа общества. Дисциплинарное пространство всегда является «пространством кельи». Л. П. Карсавин отмечал, что монашеские ордена формировались по образцу военного лагеря римского типа (то же ранжированное, иерархическое пространство с пирамидальным надзором, как у М. Фуко). Дохристианское значение слова «аскеза» означало военную подготовку. Монашеский орден мыслился как военный отряд, или школа. Монах представлял собой воина, а его пояс – часть военной римской формы. Монашеское послушание (орден бенедиктинцев) аббату и старшим братьям, повиновение и смирение являлись проекцией военной дисциплины. «Братство, стремящееся к Богу», представляется Бенедикту в виде военного отряда – *schola*. «Должны мы учредить отряд божественной службы» – *Constituenda est ergo a nobis dominici schola serviti*. Поэтому и деятельность монаха выражается словом *militare* – «служить»; и устав не что иное, как *lex, subqua, militare vis* – «закон, нерушимый и непреложный, как непреложен закон воинской дисциплины». «Святой устав» содержит всё нужное для воина Господня – это «устав-наставник». И само «послушание» – дисциплина монастыря – и неограниченная власть аббата превращает братство в воинство Христово» [8, с. 58].

Модель военного лагеря-монастыря проецируется на другие социальные клеточки общества – школу, различные производственные объединения. Следует отметить, что идея утопических идеальных государств (Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла и др.) опиралась на симбиоз власти-функции в ее дисциплинарном пространстве и военного опыта, связанного с постоянным принуждением, бесконечно возрастающей муштрой и автоматическим послушанием. Модель монастыря относится, как было уже отмечено, прежде всего, к традиционному типу общества. Функционирование ее в рамках паноптизма позволяет усилить карательные и надзирающие функции благодаря методам закрепления, распределения, записи и регистрации. Наказания власть черпает из юридической практики – штрафы, плети, карцер или отдает предпочтение наказанию-упражнению, например, многократно повторяемому уроку. В дисциплинарном пространстве после оглашения «хороших» и «плохих» оценок «обновляется» «карательная бухгалтерия». М. Фуко подробно разбирает механизмы карательной бухгалтерии в школе, мастерских, армии. Основная задача карательных средств сводится к формированию «послушания, внимательному отношению к учебе и упражнениям, неукоснительному выполнению своих обязанностей и всех пунктов дисциплины», чтобы все были похожи друг на друга и соответствовали норме. Дисциплинарный механизм выделяет наказание «согласно норме» и не сводится к «традиционному наказанию согласно закону». Так, появляются «нормальные» школы, «нормальная» армия, стандарты в производственном процессе и общие нормы здоровья в медицине. Кроме того, в традиционном типе общества господствовала моноидеология с мифолого-религиозной доминантой. Она вносила идею кары и вознаграждения, мстительности, тотальности власти, диктатуру святости,

оправдывающую убийства и насилие. В социальной практике «возврат к истокам» означал возобновление старых традиций и обычаев, их беспрекословное исполнение. Детерминированные небесным промыслом мотивы поведения людей, творящих историю, в значительной мере уступают место земным побуждениям. пытки, доносы, конфискация имущества, публичные издевательства – далеко не полный перечень карательных санкций, используемых в традиционном обществе. От рук инквизиции погибло сотни тысяч человек. Ритуализированная деятельность религиозных концептуальных доктрин, этот мир символов и знаков, становится тем механизмом, через который реализуется манипуляция. И даже в демократических Афинах господствовал «неписанный закон традиции». И, хотя «состязательная модель» была внедрена во все сферы общественной жизни Афин и должна быть реализована публично, после победы с побежденного можно было содрать кожу (состязание Аполлона и Марсия) или поколотить обидчика в темном переулке [9, с. 32–33]. Идеология традиционного общества являлась тоталитарной в своей основе (религиозно-политический диктат), формируя «тоталитарное сознание».

Каково же дисциплинарное измерение власти-функции XX–XXI веков? О. В. Хархордин в работе «Обличать и лицемерить», используя метод генеалогического описания М. Фуко, приходит к очень интересным выводам при анализе советского общества. Он отмечает, что модель монастыря, в котором господствовал надзор через обличение грехов с последующей практикой товарищеского увещевания и отлучения (по уставу И. Волоцкого), в качестве ячейки-сети власти функционировала и в СССР. И это вполне объяснимо. Советская Россия, несмотря на бурную индустриализацию 30-х гг. оставалась страной традиционной культуры. Так, в коммуне А. С. Макаренко каждый становился начальником, хотя бы на час – тирания над собой, опосредованная коллективом. Советские школы, фабрики, армейские части, трудовые лагеря строились по модели монастыря, в которых актив выступал в роли праведников. Массовый террор пришелся на то время, когда произошло слияние коллектива как субъекта с самокритикой и практикой обличений и чистки. Тайное доносительство, а еще более открытое, было очень распространено. Во всех учреждениях и организациях возникали неофициальные группы активистов, которые держали под наблюдением всю жизнь коллектива и их членов [10, с. 126–127, 132]. Они приобретали огромную силу мафий [11, с. 66]. Парадоксально, но через практику обличения при Сталине научились распознавать личность в себе, происходило культивирование каждой отдельной личности. На практике это приводило к проявлению героизма, самопожертвования, самосовершенствования [10, с. 288]. При Сталине социальный контроль был «вялым и дряблым», не было общества, даже насильно сплоченного и мобилизованного. Именно в период либерализации при Хрущеве и Брежневе возобладала всепроникающая система социального контроля, так как расширилось партийное участие в делах правосудия, что подталкивало к массовому контролю над девиантами. Была введена тщательно сбалансированная система тотального

наблюдения, которая основывалась теперь на упорядоченном и относительно мирном надзоре друг над другом. Параллельно введению нормализующего надзора вводилась классификация предотвращаемых преступлений – то, на что должен быть нацелен профилактический взор. Хрущев ввел более жесткие наказания, чем Сталин. При Сталине сохранялось еще пространство индивидуальной свободы, не подчиненное властному дискурсу. Люди даже в годы террора могли избежать угрозы репрессий, просто переехав в другой город, или удачно высмеять своих обвинителей во время собраний по самокритике, направить карающий меч правосудия на своих преследователей [там же, с. 381–384]. Слабость социального контроля при Сталине отмечает и А. А. Зиновьев [там же, с. 35]. Именно при Хрущеве недонесение властям о готовящемся преступлении (в случае государственной измены и бандитизма) было кодифицировано как преступление. В эпоху Хрущева растет количество обвинительных вердиктов. В конце 80-х гг. XX в. советский человек отличался особой прозрачностью для взгляда власти (ДНД, товарищеские суды и т. п.). Была ужесточена пенитенциарная политика еще с 1960 г. В частной жизни человек должен был участвовать во взаимном унижении друг друга. Часто складывалась ситуация, когда в провинциях местные органы власти начинали притеснение неугодных, складывались свои «законь», приходилось ездить в Москву добиваться правды. При Хрущеве произошло слияние обличения и отлучения, получившее широкое распространение.

Социальные клеточки – заводы, фабрики, институты, колхозы, магазины, школы – выполняли функции идейного и морального воспитания граждан, вовлекая их в активную жизнь и осуществляя контроль над ними. Партия в этом плане являлась элементом социальной структуры клеточки, являвшейся клеточкой целого.

На Западе социальное пространство власти функционирует также через клеточки-коллективы в рамках отношений начальник–подчиненный, согласие–принуждение, но самое главное, в них господствует беспощадная роботообразная дисциплина. Все социальные отношения Запада действуют в пределах закона функционирования денег в качестве капитала. Кроме того, рационализированная деятельность в коллективах с жесткой дисциплиной вписывается в дисциплинарное пространство власти. От сотрудника требуются соответствующие обязанности и квалификация. Между коллективами существует межличностная конкуренция. Бесконечные тесты и экзамены провоцируют появление всеобщего чувства страха и неуверенности [12, с. 290]. В Советском Союзе надзор тоже осуществлялся через коллектив. Но на Западе надзор действует иначе, через скрытую конкуренцию и насилие сослуживцев. В западных клеточках царят деловые отношения, «деловая диктатура». Демократия, права человека, гражданские свободы – внешняя компенсация за отсутствие их в деловой жизни [11, с. 250, 261]. Современное западное общество, по мнению А. Зиновьева, *есть общество денежного тоталитаризма*. Деньги становятся универсальным и всеобъемлющим

средством измерения, учета и расчета деятельности людей, учреждений и предприятий, средством управления экономикой, другими сферами общественной жизни, средством управления людьми [11, с. 108].

Усиливается контроль над выборами, становится более изощренной цензура, отмечаются brutальные направления в экономическом и политическом пространстве власти. Насилие становится частью морального порядка, включается в культурный процесс рутинизации, легитимации, нормализации социальной жизни.

Социальное пространство власти XX–XXI вв. отличается тенденцией к увеличению рационализации всех сторон общества. Новую парадигму рационализации Дж. Ритцер обозначил по аналогии с рестораном быстрого обслуживания макдонализацией. Процесс распространения принципов *fast-food* охватил практически все сферы социума как в США, так и во всём мире. Семья, школа, больница, политическая власть уподобляются «Биг маку», содержание которого можно просчитать, проконтролировать, предсказать, опираясь на результаты опросов общественного мнения, рейтингов и т. п. Макдонализация делает дисциплинарное пространство власти более изощренным, поскольку формируются более эффективные механизмы контроля поведенческих актов. Люди превращаются в винтиков, которыми легко манипулировать. Макдонализация человеческих отношений приводит к подавлению индивидуальности. Поэтому контроль в дисциплинарном пространстве осуществляет уже не надсмотрщик, а технологические процессы: во время снять, вымыть, поставить, – об этом напоминают автоматы; опоздавших на работу фиксируют компьютеры и т. п. С ростом рационализации происходит рост бюрократизации, а с ней появление очередных бесчисленных правил, регулирующих и приказывающих. Бюрократия диктует, что людям следует делать в рамках системы, а чего нет. Усиливается система контроля в образовании – введение бесконечных тестов. Инициатива и креативность в образовании не поощряются и не требуются. Приветствуется образование «для послушания». Хорошими объявляются конформисты. Общим правилом становится тот факт, что те студенты успешно заканчивают колледж, которые подчинены действиям контрольных механизмов [13, р. 14–16, 121–122, 322].

В политике наблюдается наиболее интенсивная манипуляция общественным сознанием: политики общаются с избирателями через ТВ и киберпространство, умело используя рекламу и тщательно подбирая имидж. Мощь и сила любой власти в XXI в. осуществляется не с помощью репрессивного аппарата и наличие богатства, а силой и широтой распространения технологии связи с общественностью, технологией социального контроля [14, с. 78]. Власть разбивает социальное пространство на квадраты и сектора для оптимального сбора информации о населении и изучения общественного мнения.

Функционально-субстратное измерение власти и властных отношений осуществляется на основе единства власти и знания. Гуманитарный разум оказывается более искусным и изощренным в практике надсмо-

тра. Не случайно в арсенале гуманитарных наук появляются понятия «адаптация», «социализация», «социально ориентированное поведение», «ролевые ожидания», «ролевой набор», «ролевое напряжение», «групповое поведение», «групповое мышление» и т. п.

Власть в функциональном пространстве действует не сверху вниз, как в случае ее социально-политической структурированности, а наоборот, снизу вверх. *Власть рождается снизу*. Так, произвол власти короля часто осуществлялся не сверху: родственники, соседи, коллеги проявляли усердие по собственной инициативе для заточения смутьяна. Афинская демократия породила целую армию профессиональных донощиков, лжесвидетелей и шантажистов, часто не за страх, а за совесть, преследовавших ни в чем не повинных сограждан [9, с. 129]. Наверное, в 30-х гг. в Советском Союзе благодаря бдительности соседей, коллег по работе и «друзей» росло количество «врагов народа», кэзэбиста не поставишь к каждой квартире! К королевской власти – в XVIII в., к «отцу народов» – в XX в., а в современной России, в XXI в. – к Президенту, гаранту Конституции, обращаются как к последней, наделенной божественными атрибутами инстанции, имманентной «общественной службе» для того, чтобы разрешать семейные, соседские и профессиональные конфликты.

А. А. Зиновьев отмечает, что сталинский период – это период народовластия, власть начиналась снизу. Сталинский террор, массовые репрессии суть признаки именно народовластия. Управляли страной выходцы из низших слоев населения, а это – миллионы людей, по образу жизни не отличавшиеся от управляемой массы. Дилетантизм власти способствовал расцвету коррупции, разложению верхов. Данная среда дала самый высокий процент репрессированных. Дилетантская власть нуждалась в контроле. Когда партийно-государственная власть приобрела более или менее приличный вид, сталинизм себя изжил. Вверху вожди, внизу – массы, между ними механизм управления. Рычаги власти сосредоточены у НКВД, КГБ, уполномоченных вождя, многочисленных обществ и союзов и т. д. [11, с. 64–65].

Процесс глобализации изменил паноптический характер власти-функции, присущей ей в XVII–XIX вв. Она стала более мобильной. Власть живет во времени, когда другие, стоящие на нижней властной ступени, «обитают в пространстве» (З. Бауман). Паноптикум с его обширным штатом надсмотрщиков остался в прошлом. Власть-функция стала более ускользающей и гибкой. Поскольку «нестабильность сегодня наблюдается повсюду» (П. Бурдьё), возникает размытость нормативного регулирования. Ненадежность становится основой для конструирования глобальной властной иерархии и основных методов социального контроля. Теряет смысл понятие замкнутого пространства, которое начинает изживать себя как предел коммуникации в связи с ростом электронных СМИ. Удерживать население можно, прибегая к экономическим факторам, а паноптический стиль рабочих домов прошлого, служивший лабораторией для индустриального общества, перестал применяться даже в тюрьмах-лабораториях глобализирующегося общества. Изменя-

ются формы контроля. Они включают в себя развитую технологию, а именно компьютеризацию национальной системы банка данных о девиантах, высоко техничную военную *hardway*, металлические детекторы, электронный надзор правонарушителей. Дисциплинарное пространство в XXI в. приобретает очертание электронного ока «Большого брата» и наблюдает за нами на улицах, работе, магазинах. Эта тенденция продолжается и в постиндустриальном обществе. Исчезло конвейерное производство и система надсмотрщиков, но им на смену пришли технологические средства контроля. В супермаркетах, на вокзале, на работе, в банках наблюдение осуществляется через видеокамеры. Доходы граждан заносятся в компьютеры, пластиковые карточки позволяют сразу узнать обо всех перемещениях, покупках, предпочтениях. Переписку и информацию, распространяемую через Интернет, легко можно проконтролировать: она доступна для просмотра и контроля (руководство фирм собирает информацию о том, на какие сайты чаще всего заходят их сотрудники). Таким образом, у власти появляется возможность незаметно контролировать информацию, собирать ее, отслеживать поведение взятых под контроль людей и при необходимости ее использовать. Но, если обнаружатся инакомыслящие, тут же вступает в действие «наука при власти» и ее представители – политехнологи, ученые, казенные литераторы, инженеры «человеческих душ». Они сделают их объектами изучения «пристального взгляда власти», приклеят им ярлык «бунтарей», «ультракоммунистов» и т. п. Тотально-целостная система власти совершает насилие и тем самым утрачивает «смысл и исток смысла» власти. Выборы превращаются в шоу с заранее предсказанными результатами, хотя власть-функция вколачивает идею «свободных выборов», а язык избирательных кампаний представляют собой клише и штампы ведущих телевизионных ток-шоу. За всем этим проглядывает феномен «Великого цензора» буржуазного общества, столь блестяще изученного М. Фуко. Всё меньше остается пространства для «национально-ритуального» и «художественно-образного» общения. Власть-функция определяет и потребности – удовольствия («оттянись», «расслабься», «развлекайся») в соответствии с рекламными образцами: кого любить, кого ненавидеть, кого возвести в герои и т. п. Власть как тотальность производит индивида, послушного и управляемого с точки зрения гедонистических установок, поскольку «школой гедонистически чувственной эмансипации» тоже управляет власть, надеясь, что постоянная череда развлечений не даст возможность обратить внимание на действительное положение вещей в обществе. Человек, живущий в мире бесконечных детективов, мыльных опер, развлекательных ток-шоу и т. п., не способен критически оценивать реальность и сопротивляться ей.

Итак, субстратное измерение власти-функции проявляется преимущественно в *моделях «монастырь»* и *«экзамен»*. Как было уже отмечено, модель монастыря относится в основном к традиционному обществу. *Модель «экзамен»* – к индустриальному и постиндустриальному социуму. Критике технологического общества посвящены работы Т. Адорно и

М. Хоркхаймера [15], в которых анализируется система тотального администрирования в индустриальном обществе. Инструментальная рациональность, господствующая в данном типе общества, может только конституировать объекты в рамках установленных и необсуждаемых проектов на основе принципа социальной функциональности и полезности. Гегелевское «всё действительное разумно» не работает в условиях индустриального общества, ибо разум не имманентен реальности, не связан с поисками объективных и универсальных истин, а нацелен на одно – быть только инструментом социальных действий, поскольку всё за него решает сама система, т. е. власть. Так, логика господства инструментальной рациональности свела человека до винтика в системе производства, объекта потребления культурной индустрии, а идеи, выступающие как самодостаточные цели, трансформировались в «вещи», стали инструментом технологии господства над природой, обществом и человеком. С точки зрения представителей критической теории, управление обществом выходит за рамки рационального и приобретает форму иррационального по своей сути, трансформируясь в систему тотального администрирования. Социокультурная система уже не генерирует смыслов, определяющих мотивацию индивидов

Для власти-функции не имеет значения, в каких формах она существует – демократических, авторитарных, тоталитарных. Любая власть стремится к тотальному управлению. Метод экзамена начинает распространяться по всему обществу. Сохраняющаяся рационализация современной жизни диктует появление очередных правил, регулирующих и приказывающих, что делать в рамках системы, а чего нет. От сотрудников требуются соответствующие обязанности и соответствующая квалификация. Контроль и ранжирование по статусам осуществляется через бесконечные тесты и экзамены «на соответствие», провоцирующие «появление чувства страха и неуверенности» [12, с. 290]. Экзамен является «нормализующим взглядом», позволяющим классифицировать, выносить приговор. Благодаря экзамену индивиды становятся видимыми, их можно дифференцировать. В обществе экзамен исполняет роль ритуала, игры, театрального действия, в котором существует система вопросов и ответов, свои методы выставления оценок и их классификация. В экзаменах в форме ли тестов, собеседований можно видеть «весь тип власти», манипуляцию, ее рабочую «крошечную схему», получившую распространение в педагогике, государственной службе, психиатрии, производственном процессе, при найме рабочей силы и т. д. Получается непрерывный процесс экзамена, которому индивид подвергается практически всю жизнь – от прохождения теста на «нормальность» в 6–7 лет до приема на работу, не включая регулярных медицинских обследований на проверку соответствия «нормам здоровья». Экзамен вводит индивида в «документальное поле» школьных, медицинских, военных, государственных кодификаций поведения и успехов с целью их исправления, классификации, нормализации, исключения и т. д. [7, с. 446–447]. Компьютеризация затруднила жизнь работникам сферы образования и медицины. Заполне-

ние электронных журналов в школе и составление бесконечных отчетов работников высшей школы вынуждают учителей и преподавателей все свое свободное время тратить на заполнение дорожных карт, отчетности всякого рода, не оставляя времени для творческого роста. Развитие цифровой экономики (в России ее понимают как цифровизацию контента) привела к установлению тотального контроля, во всяком случае, в области образования и медицины. Такого количества бумаготворчества не знала критикуемая советская система образования. Отсутствие единой программы по дисциплинам обязывает каждый вуз составлять свои учебные программы, УМК по принципу: чем больше по объему, тем лучше. Чаще всего преподаватель читает не одну дисциплину, а несколько. Можно представить, сколько времени уходит на подготовку и написание разнообразных программ и УМК. Студент оказывается лишним, мешающим составлять нескончаемый вал бумаг по «улучшению, повышению эффективности» и т. д., и т. п. учебного процесса. Бюрократизация и формализация в сфере образования и здравоохранения достигла такого уровня, что привела к формированию системы **тотального административно-бюрократического надзора и контроля**.

Таким образом, любая власть тоталитарна, независимо от того, в каких политических режимах она существует. Так, в XX в демократических США в 50-е гг. отмечали тоталитаристские тенденции (маккартизм) и либерализацию социальной жизни в Советской России в 20-х гг. В демократических Афинах политическому измерению подвергалась любая форма деятельности и жизни – ремесла, обряд. Частное лицо выпадало из полисного бытия в бесполисное небытие. Человек, навязывающий себя полису как самоценную политическую единицу, подвергается жесточайшему наказанию: его отлучают от полиса на десять лет или до конца жизни [9, с. 41]. Меняется лишь форма (тип) реализации тоталитарной власти (*модель монастыря или экзамена*) и характер репрессивных методов. Они зависят от задач, поставленных перед обществом. Эпоха модерна ставила масштабные задачи по радикальному преобразованию общества (СССР), завоеванию мирового господства (фашистская Германия). Для этих целей требовалась тотальная мобилизация населения и жесткие репрессивные методы. Так, при Гитлере через систему ценностей, разделяемых всеми членами немецкого общества, и манипулирование массовым сознанием произошла консолидация масс на 5–7 лет. Огромная роль отводилась агентуре в сборе информации о настроениях народа. За 1941 г. на 70 млн населения Германии было выявлено только 400 человек, слушающих зарубежные радиопередачи. Это – высокий показатель эффективности нацистской пропаганды и тотального полицейского контроля. Сопrotивление власти не имело успеха – настолько эффективна была система наблюдения и контроля, достигаемая с помощью жестокого террора [13, с. 418–425].

В современном обществе значение социального контроля, включающего разные спектры действия от психологического давления, физического насилия до экономического принуждения, приобретает наибольшую значимость, поскольку становится все труднее поддерживать

порядок и стабильность. Власть прибегает к «стелющимся методам». *Денежный тоталитаризм дополняется электронным тотальным контролем.* Естественно, возникает вопрос об анализе власти-функции с точки зрения развития, динамики социальной системы, и требуется рассмотрение его в дискурсе свободы. Но это – тема отдельного исследования и отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М. : Изд-во ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. *Пугачев В. П.* Политология / В. П. Пугачев. – М. : СЛОВО : ЭКСМО, 2003. – 576 с.
3. *Кальвин Ж.* Установления в христианской вере : в 2 т / Ж. Кальвин. – М. : Изд-во РГТУ, 1997–1998. – 581 с.
4. *Гишинский Я. И.* Криминология. Теория, история, эмпирическая база / Я. И. Гишинский. – СПб. : Питер, 2002. – 384 с.
5. *Пугачев В. П.* Введение в политологию / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 477 с.
6. *Курочкина Л. Я.* Концепция власти М. Фуко / Л. Я. Курочкина, В. Н. Первушина // Вестник ВГТУ. – 2013. – Т. 9, № 6. – С. 16–19.
7. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – AD MARGINEM, 1998. – 479 с.
8. *Карсавин Л. П.* Монашество в средние века / Л. П. Карсавин. – М. : Высш. шк., 1992. – 191 с.
9. *Гусейнов Г. Ч.* Аристофан / Г. Ч. Гусейнов. – М. : Искусство, 1987. – 272 с.
10. *Хархордин О. В.* «Обличать и лицемерить» / О. В. Хархордин. – СПб. : Летний сад, 2002. – 511 с.
11. *Зиновьев А. А.* Гибель русского коммунизма / А. А. Зиновьев. – М. : Центрполиграф, 2001. – 431 с.
12. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
13. *Ritzer G.* The McDonaldization of Society / G. Ritzer. – Pine Forge Press. L, 2000
14. *Макаревич Э.* Все на выборы. Игры интеллигентов, или социальный контроль масс / Э. Макаревич, О. Карпухин. – Минск : Алгоритм, 2003. – 477 с.
15. *Хоркхаймер М.* Диалектика Просвещения / М. Хоркмайер, Т. Адорно. – М. : Медиум Ювента, 1997. – 321 с.

Государственный университет правосудия, Центральный филиал

Первушина В. Н., доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

*E-mail: VeraValen47@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 249-00-56*

State University of Justice, Central Branch

Pervushina V. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Humanities and Social-Economical Disciplines Department

*E-mail: VeraValen47@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 249-00-56*

Савушкин Л. М., доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Тел.: 8-951-560-32-91

Воронежский государственный технический университет

Хуторной С. Н. кандидат философских наук, преподаватель факультета среднего профессионального образования

E-mail: thut1960@mail.ru

Тел.: 8 (473) 277-42-12

Savushkin L. M., (D Sc) in History, Professor of the Humanities and Social-Economical Disciplines Department

Tel.: 8-951-560-32-91

Voronezh State Technical University

Khutornoy S. N., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer

E-mail: thut1960@mail.ru

Tel.: 8 (473) 277-42-12